

УДК 165
ББК 87,22
И 46

Н.А. Ильинова,

кандидат социологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-(918)-492-60-97, e-mail: nady_i@bk.ru

Постклассическая философия о социально-гуманитарном познании (Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы соотношения естествознания и социально-гуманитарных наук в рамках философских систем конца XIX — начала XX вв. таких ученых, как О. Конт, К. Маркс, Г. Риккерт, В. Дильтей.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, метод, знание, теория познания, философские системы, дихотомия, аналогия.

N.A. Ilyinova,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Deputy Head of Philosophy and Sociology Department of Adyghe State University, Maikop, ph.: 8-918-492-60-97, e-mail: nady_i@bk.ru

Postclassical philosophy on social and humanitarian cognition

Abstract. The attempt has been made to consider problem of correlation of natural science and social and humanitarian sciences in the frames of philosophical systems of the end of the 19th-beginning of the 20th centuries of such scientists as Au.Conte, K.Marx G.Rickert and W.Dilthey.

Keywords: social and humanitarian sciences, method, knowledge, theory of cognition, philosophical systems, dichotomy, analogy.

Неоднозначность социальной реальности, ее разночтения в многочисленных исследовательских программах в европейской социально-философской мысли привели к необходимости выработки стратегии ее исследования. Однако любой используемый исследователем метод нацелен на изучение скрытой мотивации поведения людей, живущих в социуме, на выявление характера социальных связей, действий и взаимодействий, на раскрытие возможностей социальных прогнозов. И говоря о философском подходе к решению обозначенных проблем, мы признаем наличие метода, который систематизирует, конкретизирует ранее расплывчатое знание о социуме. При этом остро встает проблема со-

отношения таких видов знания, как естественные науки и науки о человеке. Известно, что наука — это и вид знания, и набор определенных методов получения нового знания, и совокупность устоявшихся норм поведения. Вопрос о научности социогуманитарного знания не может быть корректно поставлен без экспликации понятия научности. Для разрешения этой задачи необходимо выяснить: 1) какая познавательная деятельность может быть названа научной; 2) какое знание можно считать научным.

Невероятная познавательная результативность науки свидетельствует об особой организации познавательного процесса в науке — методе, характерном только для науки и отличающем

ее от других форм познания: обыденного, мифологического, паранаучного. Главная черта научного метода — разнообразные процедуры сбора эмпирических данных и эмпирической проверки знания. Эмпирическая обоснованность знания — признак научности. Но набор достоверных фактов еще не может считаться научным знанием. Научное знание системно организовано и выполняет объяснительную функцию. Но признаков системности и объяснительной задачи недостаточно для спецификации научного знания. Например, идеология представляет собой системно организованное знание, ориентированное на объяснение мира. Обыденное знание также призвано объяснять. Научное знание отличается от других форм знания своей направленностью на открытие сущностных связей явлений и законов, и средством для этого служит построение теории — сущностного уровня познания. Таким образом, сущностная черта науки — наличие эмпирического и теоретического уровней познания. Именно при появлении теоретического уровня знание становится научным. Объективность, то есть ориентация на получение знания о мире, не зависящего от ценностных установок и интересов субъекта, отличает научное знание от идеологии.

Представленный здесь набор признаков научного знания образует идеальную модель, которая позволяет работать с конкретно научным материалом. Проблема научной рациональности связана с критериями обоснования научной теории и выбора между соперничающими теориями, а также с проблемой роста научного знания. В общем виде это можно сформулировать как проблему возможности обоснования научного знания. Научность при этом берется как характеристика, не нуждающаяся в определении.

При этом социогуманитарное знание обладает определенной спецификой, обусловленной:

а) большей изменчивостью предметных областей, связанных с гуманитарными и социетальными особенностями исследуемых объектов;

б) тем, что, выражаясь в терминах классической гносеологии, в социогуманитарном познании субъект и объект познания частично совпадают;

в) тем, что в социогуманитарном познании эксперимента, как систематического метода получения нового знания и проверки знания старого, не существует;

г) тем, что социогуманитарное знание гораздо менее математизировано, или «кодифицировано», выражаясь языком социологии знания; вообще, присущая естественнонаучным теориям жесткая связь между эмпирическим уровнем и уровнями фундаментальной теоретической схемы и частных теоретических схем в социогуманитарном познании в общем случае отсутствует. Более того, в некоторых областях этого знания отсутствуют и сами фундаментальные идеальные модели, и их роль играют соответствующие картины социальной реальности;

д) тем, что социогуманитарное познание в гораздо большей мере подвержено влиянию внешних — социально-экономических, социально-политических и социокультурных — факторов. Эти факторы оказывают влияние не только на темпы протекающих в рассматриваемой сфере процессов, но и на содержание знания [1].

Дихотомия гуманитарных и естественных наук соответствует античному принципу двойственности, разделению мира на материальное и идеальное, разграничению физики и этики.

В сфере социально-гуманитарного познания действительности, в частности, в области истории, жизни социума, литературного и художественного творчества, возможности научно-рационального исследования в разные периоды развития науки находились под сомнением. В свете вышеизложенного становятся понятными сомнения современных западных ученых по поводу статуса социально-гуманитарного познания как научной дисциплины. Ведь как только социально-гуманитарные науки, такие как: антропология, экономика, лингвистика, политические науки, психология и социология, достаточно мед-

ленно и на первых порах неуверенно отделились от философии, они должны были постоянно выяснять и доказывать, в первую очередь — для самих себя, почему их границы недостаточно четкие, почему при таком огромном количестве данных они имеют такое скромное теоретическое обоснование. То есть эти науки должны доказывать, по какой причине они не нашли свой собственный, специфический научный путь так, как это сделали естественные науки [2].

Субъект социогуманитарного познания находится в принципиально ином, нежели ученый-естествоиспытатель, отношении к своему объекту. Практической конечной целью и того, и другого является обретение контроля над исследуемой действительностью, но естествоиспытатель выступает как бы от лица всего человечества, человека как такового, которому противостоит чуждая природа, а ученый-гуманитарий имеет дело с практикой иного рода. В общественную практику тесно вплетены интересы разных социальных групп, интересы эти неизбежно различны, поэтому в поиске средств контроля над социальной действительностью ученый выступает как представитель уже не абстрактного человечества, а конкретного интереса и соответствующего ему мировоззрения. Эта заинтересованность исследователя, согласованность целей познания с современными потребностями заставляют его замечать одни черты познаваемого объекта, абсолютизируя их значение для понимания его сущности, и игнорировать другие. Таким образом, двоякого рода познавательные затруднения: объективные, коренящиеся в самой природе социального универсума, и субъективные, порождаемые социальной природой познающего субъекта — стоят на пути гуманитаристики в получении истинного знания. Если бы эти познавательные барьеры имели абсолютный, непреодолимый характер, то вряд ли когда-либо знание об обществе, накопленное многими поколениями, претерпев качественное преобразование, приобрело бы статус научности, а

оставалось бы чем-то вроде набора знахарских рецептов.

Утверждение приоритета методологии точных наук над методологией гуманитаристики не совсем правильно. История развития философии предлагает многообразие достаточно самобытных концепций, основанных на философской интуиции, а не на тождестве с такими фундаментальными науками, как математика или физика. Одним из оснований для исследования методологии социально-гуманитарного познания является проблема соотношения социально-гуманитарного знания с естествознанием. Научный рационализм социально-гуманитарного познания не соотносится с идолом естествонаучного подхода, представленного в виде изолированного аппарата математической логики. Таким образом, говоря о науке, мы подразумеваем естественную науку, а присваивая социально-гуманитарному знанию статус научности — мы вынуждены сделать оговорку: социально-гуманитарные науки имеют свой собственный метод.

Философия Канта вызвала интерес в связи с гуманитарным познанием в конце 19 века потому, что логика и методология Милля и позитивистов, не сумев дать ответы на возникшие вопросы, исчерпали свои возможности: «На рубеже веков... исторический позитивизм сам стал мишенью для критики, а методологическая рефлексия гуманитарных наук стала внимательнее относиться к проблемам «образования понятий» и теоретическим моделям... Теперь уже не логика Милля, а сочинения неокантианцев образовали центр притяжения методологической рефлексии гуманитарных наук» [5].

Особенно востребованной философская система Канта становится в эпоху научных открытий, накопления знаний, появления новых наук. Для теории познания важно исследование возможностей познающего разума, а не создание глобальной научной системы. Наука должна была познать себя не только с позиции рассмотрения себя как необходимого условия развития мира, но и с точки зрения своих

методологических рациональных оснований.

Онтологическое обоснование до-опытной деятельности рассудка — это та проблема, с которой столкнулась философия в первую очередь. Ведь всеобщность и аподиктичность становятся характеристиками науки только благодаря априорности рассудочной деятельности. Однако априорные аналитические суждения как основной компонент науки не могут привести к приросту научного знания, прирост знания обеспечивается только опытом, приобретаемым в процессе созерцания. Суть возникшего противоречия заключается в том, что функции рассудка ограничивают собой единство многообразия опыта: многообразие опыта не может быть результатом моей деятельности, в то же время я знаю лишь то, что я сам сконструировал. Если «вещи в себе» воздействуют на человеческие чувства, то многообразие созерцания зависит, в свою очередь, от «вещи в себе», а не от познающего субъекта. Для устранения данного противоречия необходимо устранить само созерцание и, тем самым, отказаться от «вещи в себе». В результате останется только рассудок, и в этом случае можно проводить критический последовательный анализ создаваемых понятий.

Немаловажное значение социально-гуманитарные науки отводят категории человеческой свободы, которую И. Кант подверг философскому анализу. Мир детерминирован жесткой природной необходимостью и поэтому философу необходимо найти в этом мире Бога и свободу. Сделал он это, разделив человеческую природу, подобно миру, на эмпирическую, феноменальную и разумную, ноуменальную. Кант считает, что разумное существо должно рассматривать себя не со стороны своих низших сил, а как мыслящее существо, как принадлежащее не к чувственно воспринимаемому, а умопостигаемому миру. Значит, у разумного существа две позиции, с которых оно может рассматривать себя и познавать законы приложения своих сил, т.е. законы своих действий: во-первых, поскольку оно принадле-

жит к чувственно воспринимаемому миру, оно может рассматривать себя как подчиненное законам природы (гетерономия); во-вторых, поскольку оно принадлежит к умопостигаемому миру, как подчиненное законам, которые, будучи независимы от природы, основаны не эмпирически, а только в разуме. В то же время, познаваемым Кант считал только эмпирически данное, то есть нашу чувственно воспринимаемую природу, детерминируемую природными законами, сфера же действия практического разума и активности свободного субъекта относится к компетенции веры. Кант считал человеческую историю частью области действия природной необходимости, отдавая, таким образом, историческую науку на откуп теоретическому, то есть естественнонаучному разуму. Однако проблема была поставлена достаточно четко: каждому разумному существу присуща свобода, и мы либо признаем, что свободный человек выпадает из сферы действия естественных законов (что, по Канту, аналитически содержится в самом понятии свободы), и тогда гуманитарная наука невозможна, либо человеческая воля подчинена природной причинности, что обеспечивает ее теоретическую познаваемость, но исключает из нее предикат свободы. Как примирить индивидуальность волевого акта с всеобщностью и необходимостью научного познания?

Неокантианцы видят заслугу Канта в том, что он создал метод трансцендентальной философии. Кант не предписывает науке, как она должна познавать мир, он выясняет условия возможности для построения научных понятий.

Для хода представители неокантианства выделили следующие направления эпистемологических исследований:

1) признание приоритета понимающей, описательной функции гуманитарного знания, что приводит к отрицанию его научности, то есть возможности получить теоретическое знание;

2) гуманитарное познание ориентируется на обнаружение скрытых закономерностей социальной действительности, на объяснение природы человека и общества.

О. Конт, в свою очередь, разрабатывает систему наук, которая иерархично эволюционирует — от наиболее абстрактных и простых, по его мнению, дисциплин (математика, астрономия) к наиболее сложным (биология). Завершает предложенную им иерархию, систему наук социология («социальная физика»). Социология специфична в том плане, что была создана специально, искусственно, не имея пока еще предмета своего изучения. Конт ставит перед собой следующую задачу: ввести в иерархию наук новую науку — науку об обществе. Социология Конта, которая является замыкающей в иерархии наук, по своей сложности наиболее близка к идеалу «положительной научности», причем исторический метод, используемый ею, является модификацией сравнительного метода в биологии. Вектором единения наук Конт считает движение к человеческому благу, и здесь социологии отводится телеологическая роль, где цель — создание общества по теоретическому «положительному» проекту.

«В положительном состоянии человеческий дух... стремится, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений, т.е. их неизменных отношений последовательности и подобия. Объяснение явлений, приведенное к его действительным пределам, есть отныне только установление связей между различными отдельными явлениями и несколькими общими фактами, число которых уменьшается все более и более по мере прогресса науки... После того как все наши понятия станут однородными, философия... не будет уже в состоянии изменять свой характер, и ей останется только развиваться бесконечно путем новых, постоянно увеличивающихся приобретений, которые явятся неизбежным результатом новых наблюдений и более глубоких размышлений» [6].

О. Конт отмечает, что залогом научности является необходимость восприятия действительности в однородных понятиях, в связи с чем закон трех стадий общественного развития выступает частным случаем общего закона развития. Каждая из областей познания,

по мнению Конта, по необходимости проходит через следующие состояния теоретизирования. «Теологическое» — состояние, в рамках которого человек апеллирует к сверхестественному, здесь люди попадают под власть ими же самими созданных фикций; «метафизическое» — задача данного состояния — критика, характеризуется властью абстракций; научное — «положительное» состояние — знание основывается на точных науках, которые опираются на достоверные факты.

Научная стадия развития человеческого разума, третья в иерархии Конта, являет собой абсолютную форму, в которой разум отказывается познавать «начала и назначения мира», отказывается от поиска «внутренних причин явлений» и ограничивается созерцанием. Задачу разума Конт видит в открытии «действительных законов», под которыми понимаются «неизменные отношения последовательности и подобия».

В системе наук Конта смысл исторического прогресса заключается в возвращении знания к самому себе, и процесс формирования знания должен завершиться на социологии. Конт создает теорию, которая является вершиной теоретического прогресса, и к этой теории необходимо адаптировать эмпирическую человеческую реальность — полностью в духе классического «прогрессистского» подхода.

19 век — это период классической рациональности, эпоха построения разнообразных философских систем, в которых все области жизни определяет знание. Конт проводит прямую последовательность от математики к науке об обществе (социологии) и называет социологию самой положительной наукой, то есть придает ей статус высшей формы знания, определяющей жизнь человека научно и социально одновременно.

До О. Конта науки о социуме не представляли собой систематизированное знание. Философ-позитивист предпринимает попытку создания такой системы, а на самом деле лишь ставит вопрос о ее необходимости. Как в античности, так и в Новое время науки об обществе «шли следом» за вновь

сформированными способами познания мира. С возникновением рациональной философии в греческом полисе возникают и рациональные способы объяснения общественных явлений. В Новое время социология возникает по аналогии с естественными науками, в частности, с физикой. Социологию О. Конт понимает как человеческую биологию.

Естественные науки, как и гуманитарные, возникают в эпоху, характерными чертами которой являются вера в прогресс, в том числе и научный прогресс, вера в возможность построения законченной философской системы, раз и навсегда объясняющей историю человечества.

19-й век — это время становления социологии, экономики, истории как отдельных наук, признаком которого было появление научных теорий, синтезирующих обширный эмпирический материал, составлявший до сих пор основное содержание этих отраслей знания. Что же вызвало этот качественный скачок в развитии гуманитарного знания, чем объясняется совершенный прорыв через присущие социальному познанию гносеологические затруднения? В этот исторический период сложилась максимально благоприятная познавательная ситуация как в отношении состояния познаваемого объекта, так и в отношении гносеологического субъекта. Такие объективные социальные институты, как государство, общество, экономика, существовали на протяжении тысячелетий, однако только теперь они приобрели ясную структурную форму и определенность своей природы для исследователя.

Идеология марксизма, нашедшая свое отражение в социально-экономической теории Маркса, выразилась в навязывании обществу различных качеств. Инновация философии марксизма заключалась в рассмотрении экономических отношений как основы анализа общественно-исторической действительности. Маркс указывает на рациональную зависимость этапов общественно-экономических формаций от товарно-денежных отношений и, тем самым, приобретает огромное количество сторонников.

Карл Маркс в своей теории указывает на познавательные возможности социальной науки, которая соответствует требованиям научной рациональности, но в то же время не является копией естествознания. Маркс показал путь, позволяющий применить к изучению деятельности преследующего свои цели человека общенаучные нормы и идеалы познания. Марксом была разработана исследовательская программа комплекса социальных наук определенного типа, изучающих общество на уровне целого организма.

В начале своей научной карьеры, в первых своих работах, Карл Маркс уделяет пристальное внимание дихотомии различных культур научного мышления: наук о природе и наук о человеке. История развития естественных наук, особенно на эмпирической стадии, свидетельствует, по мнению Маркса, об их чуждости философии, о внешнем характере их взаимосвязи с гуманитарными науками. Естествознание, благодаря своей практически-преобразовательной направленности, посредством влияния на прогресс промышленности, способствует раскрытию человеческих сил и в будущем, по мысли Маркса, сольётся с наукой о человеке: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» [7].

Естественнонаучный подход является методологической основой для классического научного метода и задает независимые от сознания человека структуры в качестве предмета исследования, а социальные науки, ставящие своей задачей решение глобальных проблем человека и общества, ориентируются на этот идеал рациональности. Специфической особенностью социального познания выступает перенос рациональных методов на социальную практику, когда схематический естественнонаучный метод становится основой понимания человеческой жизни. Жестко детерминированная схема предопределяет условия жизни человека и его волю.

Смысл метода Маркса заключается в поиске глубинного, подлинного в наслоениях кажущегося, иллюзорного. В самом начале «Капитала» речь идет о необходимости сопротивления исследователя закрыть глаза и уши, чтобы не поддаваться соблазнам и не дать ввести себя в заблуждение различного рода мистификациям. Недоверие к очевидностям, настороженность по отношению к тем «обманкам», которые стремятся выдавать себя за реальность, избегание тех инстанций, которые, казалось бы, в первую очередь, должны демонстрировать скрытую суть, а на самом деле являются ловушками для неискушённого исследователя, — всю эту совокупность исследовательских приёмов и техник, действующих иногда на уровне осознанной стратегии, иногда — на уровне интуиции, в современной эпистемологии принято называть «школой подозрения». Возникают аналогии между стратегией анализа общества у Маркса и программой исследования природы, которую выдвинул и обосновал «философ промышленной эры» Ф. Бэкон: и та, и другая основаны на своеобразной «хитрости» познающего разума. Бэкон настаивает на необходимости изучения тех явлений, когда природа как бы отклоняется от нормального пути её развития. «Подстеречь» её в такие моменты, когда легче всего вывести её тайны, вставить эксперимент в образовавшийся «зазор» между человеком и природой — такой, по Бэкону, должна быть основа стратегии естествознания. Разгадка тайн социальной реальности тоже доступна только для гибкого мышления, прибегающего к ухищрениям разного рода и способного на нестандартные ходы. Подход Маркса к проблемам сознания сделал возможным изучение закономерностей знаковых систем, коллективного бессознательного, науки как вида духовного производства.

Любое социальное явление, его сущность, можно понять только в социальной системе, в системе отношений. Методологическая установка марксизма — «отношение к существующему объекту как неполному, не вполне действительному, только развёртывающе-

му свои собственные действительные внутренние связи, в полной системе несводимых к этому объекту вещей. Так, марксов «Капитал» — отнюдь не то, чем он «хочет» казаться и кажется своим реальным носителям» [8].

Наличие трансцендентных целей в социально-историческом бытии детерминирует поиск истины в марксизме. Поэтому найти за иллюзорными формами трансцендентное — значит, не просто открыть законы социального прогресса, но и приобрести этически нагруженное знание: нравственный закон определяется не выбором в системе ценностей, он диктуется онтологическим императивом максимального следования внутреннему становлению мира как объекта. Выход за границы эмпирического бытия, наличных форм практики, стремление к охвату универсальных закономерностей исторического процесса дают основания для оценивания марксизма как интегративной стратегии. Однако современное видение Маркса позволяет выделить в его текстах, и прежде всего — в «Капитале», прообразы микростратегий, которые в настоящее время играют такую большую роль в социально-гуманитарных науках.

Подозрение, недоверие, поскольку существенное в нём всегда скрыто наслоениями иллюзий, мистификаций — подобные чувства, по мнению Маркса, социальный мир должен вызывать у исследователя.

Такова постановка проблемы, которую необходимо разрешить в том числе и для того, чтобы определить научный статус социально-гуманитарного познания. Методология гуманитарного знания строится не просто по аналогии с естественными науками, философия должна выработать свой метод, однако философской метафизики уже не достаточно. Мы должны отталкиваться от рациональной логики и показать границы образования понятий, либо установить, что гуманитарное познание иррационально по существу. Лучше всего это прослеживается у Генриха Риккерта.

Отказ от рассмотрения проблем бытия, переход к разрешению проблем познания, к определению границ

познавательной деятельности — вот в чем суть кантовского переворота в теории познания. Деонтологизация теории познания у Риккерта прозвучала в его отказе от толкования познания как отражения действительности. Он утверждает, что пока наука будет пониматься как отражение, невозможно уяснить сущность любого научного метода. Только в этом случае отражение выступило бы методом научного познания, когда трансцендентальный мир, лежащий за пределами воспринимаемого, рассматривался с позиций познаваемой действительности.

Однако Риккерт отказывается от возможности познания мира, «лежащего за данной действительностью». Наши представления никогда не могут совпадать с миром трансцендентального, поэтому: «Для понимания сущности познания мы можем начать лишь с исследования процесса преобразования (Umformung), посредством которого создаются соответствующие трансцендентальному миру представления и понятия... Логика должна будет вначале рассматривать познание не как отображение, но как преобразование (Umbilden) данного материала представлений понятием» [9].

К понятию непрерывности Риккерт добавляет понятие «разнородности», утверждая, что все процессы и вещи различны, что всякая реальность имеет свой особый, своеобразный, индивидуальный отпечаток, однако разнородность не понимается как прерывность, это всего лишь утверждение о том, что «все существующее разное». Риккерт делает вывод о принципиальной невозможности точного воспроизведения действительности, которая иррациональна. Вводя понятие «непрерывная разнородность», Риккерт отказывается от какой-либо характеристики действительности.

Прежде чем мы перейдем к вопросу формирования научных понятий, мы могли бы остановиться подробнее на вопросе восприятия действительности, и попытаться ответить, почему для Риккерта вопрос о непрерывности не вызывал сомнений. Риккерт следовал за Кантом, который, рассматривая

вопросы неделимости пространства, разрешал антиномии математики, касающиеся отношения общего и частного, конечного и бесконечного.

Проблемы непрерывности, а также актуальности и потенциальности бесконечности, напрямую относились к вопросам формирования основ математики, дифференциального исчисления и подобных задач. У Риккерта задачи иного порядка — ему нужно построить логически четкую систему знания об исторической (человеческой) действительности. Потому он оставляет в стороне весь набор вопросов, связанных с онтологией, а кантовская «вещь в себе» получает у Риккерта вид «однородной непрерывности» — иррациональной и принципиально непознаваемой.

Мы установили, что действительность для Риккерта изначально иррациональна. Задача науки — ввести рациональное понятие о мире. Что подразумевается под понятием у Риккерта? Он различает понятия сложные и простые (комплексные), при этом отмечая, что четкого определения понятия не существует. Мы используем одно слово, когда говорим о понятии «сладкого» или неопределимого «голубого», равно как и для закона притяжения мы используем понятие «притяжение».

Главное то, что Риккерт отказывается привносить в понятие нечто большее, чем просто терминологию. Он указывает, что для научного понятия важен метод — способ выбирать существенное, способ соединять элементы, не более того. Риккерт отрицает необходимость искать логические различия в различных элементах понятий, он видит различия только в принципах образования понятий, а не в их элементах. Понятие — это соединение элементов. Для Риккерта это важно потому, что это дает возможность «сравнивать различные методы по их формальной структуре». Таким образом, Риккерт ограничивается «формальным признаком» в образовании научных понятий, оставляя логике исследовать характер соединения «существенных элементов».

Говоря о «современном рационализме», Риккерт подразумевает позитив-

вистское направление в науке и набирающий силу логический позитивизм. Заметим, что задача логического позитивизма в том и состоит — создание языка, полностью научно рационально отражающего действительность, в то время как задача Риккерта — доказать принципиальную невозможность отражения действительности и двойственную природу научного знания. Риккерт решает эту проблему через дихотомию методов и тем, что обращает свое внимание на «другие науки о действительности».

Утверждая невозможность отражения, но принципиальную необходимость преобразования действительности, Риккерт задает как постулат уже сам метод диалектического разделения наук — о природе и о духе. Но такое разделение исходит из двойственного субъективно-объективного восприятия. Объективное — то, что относится к общему, субъективное — к частному, индивидуальному. Воспринимаем человека как действующего субъекта — имеем историю (науку о духе), воспринимаем человека как тело — имеем экспериментальную психологию (науку о природе).

Своеобразная сущность «гуманитарных наук», как наук не столько об индивидуальном духовном бытии, сколько о совместной духовной жизни и творчестве, была ярко выражена гегелевским термином «Объективный Дух» и стала предметом философского интереса в конце 19 столетия. Дильтей утверждает, что науки о духе имеют своим предметом историко-общественную действительность.

Уже Дильтей понял, что работать с субъективным содержанием сознания крайне затруднительно, истинность же получаемого знания проблематична. Необходим выход к объективным, материально фиксированным выражениям внутреннего мира человека. Этот мыслительный ход требует построения онтологии человека как объекта познания, то есть построения теории культуры как некоего опосредующего механизма для связи познающего мышления и общественного бытия и общественного действия.

Новизна подхода Дильтея состоит в обосновании нового типа философского исследования (познания в науках о духе) и внесения его в систему наук. Особый предмет наук о духе обусловлен также особым методом, который хорошо выражен во фразе Дильтея: «Мы объясняем природу, подводя ее отдельные явления, главным образом — каузально, под законы, мы понимаем душевную жизнь, постигая ее смысловое содержание» [10].

Дильтей предлагает признание свободного агента истории считать эмпирическим, конкретным, а не трансцендентальным, абстрактным субъектом. Человеческая индивидуальность не только мыслит, но и испытывает эмоции и желания, творит свой собственный, отличный от природного, мир, в этом акте творчества и проявляется свобода. Этот сотворенный мир — свой, внутренний, в отличие от внешнего, чужого мира природной действительности, а потому он доступен истинному познанию, тогда как знание о природе всегда гипотетично. Здесь Дильтей исходит из идеи, впервые сформулированной итальянскими гуманистами, а затем получившей развитие у Дж. Вико, о превосходстве социального познания над естественнонаучным.

В. Дильтей считает, что бытие как объект научного знания одно, но существуют различные способы его познания: внутренний и внешний опыт, которые определяются разными мыслительными установками. Науки о природе воспринимают мир в виде множества разнородных фактов, которые они подвергают логической обработке и конструируют из них картину действительности, пытаются подвести разрозненные феномены под общий детерминирующий их закон. Такой подход неприменим к человеку, который не просто факт в ряду других фактов. Человек должен быть понят не как единичное, но как особенное, индивидуальное, не изолированное, но в системе общественно-исторических связей. Человек не результирует в себе совокупные воздействия обстоятельств, зная которые, мы можем рассчитать, каким

будет этот человек, но представляет собой некое индивидуальное единство.

Схватывание этого единства в познании должно стать исходным моментом наук о духе. Такой общий синтетический взгляд представлен в жизненном опыте. Дильтей вводит понятие «жизнь» для обозначения первичного человеческого способа восприятия действительности, который представляет собой недифференцированный сплав представлений, эмоций, желаний. В форме жизненного опыта все мы знакомы с социальной действительностью, которую мы не познаем, но переживаем. Дильтей хочет использовать эту непосредственную психическую причастность и понятийную нерасчлененность обыденного восприятия человеческого мира в качестве базы для методологии гуманитарного познания. Эта эмпирическая достоверность жизненного опыта должна стать материалом для описания и анализа как основных процедур наук о духе.

Однако методология гуманитарных наук, разработанная Дильтеем, натолкнулась на ряд теоретико-познавательных проблем, с которыми она оказалась не в состоянии справиться. Во-первых, в связи с тем, что методом познания в гуманитарных науках является интроспекция — остается открытым вопрос о достоверности знания о человеке, поскольку эта процедура не дает intersубъективного, общезначимого знания. Дильтей пытается справиться с этим затруднением, вводя в свою систему категорию объективного духа как совокупности выражений индивидуального духа: права, морали, науки, религии, искусства, философии. Выражения как творческие акты свободной индивидуальности должны иметь значение, или смысл, который нужно понять, соответственно, понимание, или искусство герменевтики, заменяет интроспекцию в качестве метода наук о духе.

Второй неразрешимой проблемой для Дильтея стала проблема общего смысла истории (смыслового контекста). Как от значений индивидуальных выражений индивидуального духа перейти к совокупному значению

объективного духа в каждую конкретную эпоху, ведь, в конечном счете, этот общий смысл позволяет понять конкретные значения?

Философский проект Дильтея в отношении гуманитарного познания можно назвать «критикой исторического разума». Для Дильтея «критика исторического разума» означает изучение границ и условий возможности познания истории, построение принципиально новой теории познания, где так называемый «исторический разум» не следует по пути естественнонаучного, а заменяет его. И естествознание, и социально-гуманитарные науки невозможно рассматривать вне исторической размерности. Ни природный, ни социальный мир не являются некоей данностью, самоотжественностью, они требуют генеалогического анализа.

Работа Дильтея над философией гуманитарного познания была подчинена одной главной цели: определение научного статуса гуманитарных наук. По мнению Дильтея, гуманитарные науки выделились из практики жизни, а затем развились в системе университетского образования. Первые труды Дильтея по анализу методологии наук о духе приходились на эпоху позитивизма, утверждавшего научный (позитивный) статус исследований об обществе и истории на основе познавательных процедур эмпирического естествознания. Первоначально Дильтей следовал тому же идеалу научных интересов второй половины 20 столетия: к исследованию «фактического», «реального», «позитивного» в противоположность «иллюзорному», «идеалистическому», то есть формам прежней философской метафизики. Дильтей примыкал к позитивистскому методу в общем принципе опытного познания. Если прежние философские системы строились главным образом на универсальных метафизических схемах, то теперь гуманитарное познание должно быть ограничено сферой опытного знания, сводимого к проверяемым опытным данным.

Однако, если говорить о позитивизме Конта, Милля и об их подходе к анализу гуманитарного познания

и методу обоснования наук о духе, то Дильтей возражал против их позиции, что привело его к отрицанию позитивизма как теории наук о духе. Во-первых, позитивизм следовал методу создания универсальных законов, из которых можно было бы выводить частные следствия и прилагать эти законы на практике. Науки о человеке создавались по модели наук естественных, которые показали свою эффективность в изучении природы. Согласно этому методу, позитивизм выводил законы развития общества и истории, которые исследуют отношения причины-следствия, а все остальные способы анализа нивелируются.

Во-вторых, позитивизм начинает предпосылки об однородности всех предметов опыта и с возможности сведения опыта к одному основному типу — к явлениям физического мира. Но это допущение не является продуктом научного познания, оно задается как постулат, следовательно, имеет место догматическое перенесение методов естествознания на гуманитарное познание. Дильтей утверждает, что наука не может использовать свои собственные положения в качестве обосновывающего принципа, а именно так и получается в позитивизме Конта: гуманитарные науки находятся в определенном отношении к естественным, что следует из самой схемы — научность полагается как иерархия наук от математики к социальной физике.

Задачи Дильтея и позитивистов различны. Если Конт выстраивал иерархию наук, выделяя каждой дисциплине отдельное место, то Дильтей обращается к гуманитарному познанию как таковому, его задачи шире. Дильтею необходимо выяснить, каким образом происходит прирост гуманитарного знания, в то время как Конт создает законченную систему знания.

Дильтея не удовлетворяет метод анализа количественных отношений, хотя он признает возможность его применения. В начале 19 столетия одним из основных методов изучения общества была статистика, которая основывалась на методе численного анализа

и поиске статистических законов прогнозирования. Для Дильтея использование понятий статики и механики в исследовании общества, взаимоотношения общественных сил — все это не более чем метафоры, показывающие стандартные формулы обществознания. Количественные методы дают лишь внешнюю картину истории, в то время как основа — в исторической интерпретации. Для Дильтея важно показать своеобразие гуманитарного познания и выделить методы, дающие прирост гуманитарному знанию. Отсюда следует основа критики позитивизма — важен результат, целесообразность — если построение гуманитарных наук по аналогии с естественными не дает новизны, значит, нужен другой метод. Здесь Дильтей действует как прагматик и пригодность метода обосновывает его результативностью.

Важное отличие гуманитарных наук от естественных Дильтей видит в том, что в естественных науках изучаемые факты выступают как внешние для исследователя, то есть не принадлежат его сознанию. А в гуманитарных науках такие факты появляются изнутри в качестве особой реальности. Особенность внутреннего восприятия заключается в том, что в нем возможно прямое усмотрение, так как оно дано априори.

Дильтей критикует позитивизм за его рационализм, который выражается в сведении всех актов человеческой деятельности к одной категории — когнитивной. В этом отношении позитивизм остался в рамках метафизики, дающей объяснение социальной действительности с точки зрения предзаданного позитивного метода. Также Дильтей возражает против позитивистской установки о полном детерминировании психической деятельности человека физическими условиями. Для Дильтея важно преодолеть классическую гносеологическую установку, в которой основными задачами являются анализ восприятия и логическое мышление. Этих форм философствования уже недостаточно, здесь познание понимается как односторонний, чисто логический процесс. Необходимо понять жизненную взаимосвязь,

в которой понимается вся деятельность человека.

Дильтей начинает свою «критику исторического разума» с определения фундамента и методологических средств гуманитарных наук. Понятие «критика исторического разума» восходит к «Критикам...» И. Канта. Следует отметить, что в решении вопроса об априорных условиях познания Дильтей не следует рассуждениям неокантианцев, но создает свою методологию. Дильтей определяет задачи своего исследования не как умножения знания об обществе и об истории, но, вслед за Кантом, разворачивает логико-методологическую «пропедевтику» исторического познания, включающего в себя весь комплекс знания о человеке и обществе. В этом Дильтей следует за Кантом, который рассматривает науку как критику чистого разума: «...она [наука] может служить не для расширения, а только для очищения нашего разума и освобождения его от заблуждений, что уже представляет собой значительную выгоду» [11].

Трактуя сферу познания, Дильтей уходит от понимания познавательной деятельности Кантом. Философом подвергается критике принципиальная непознаваемость «вещи в себе» и подразделение разума на «теоретический» и «практический». Дильтей считает, что разделив разум на два компонента, практическая деятельность приобретает характер норматива и строго отделяется от теоретической рациональности. Важным для Дильтея является постановка акцента на то, что познающий субъект — это не абстрактный наблюдатель, так как человек — историческое существо, а в качестве деятельной связи всех способов человеческого взаимодействия с миром выступает познание. Познание также выступает в качестве исторического осуществления жизни. Сам человек вовлечен в ход исторического действия, он историчен — и поэтому может познавать мир.

Своим переходом к историческому разуму Дильтей изменяет условия априорного, допытного познания. Для Канта метафизический идеал

всеобщности познания заключается в понимании того, что лишь природа человеческого ума раз и навсегда задает способ постижения действительности. И, напротив, для Дильтея априорные условия познания не могут быть разрушены, так как человек мыслит с их помощью. Философ признает, что эти условия постоянно развиваются, указанные априорные условия мышления «оживают» в историчности акта познавания-действия.

В методологическом плане, метафизика, предлагает объективную картину мира и, как следствие, выводит из нее картину жизни человека и общества, выстраивает контуры жизнедеятельности человека. Из познания законов объективной действительности, из познания правил и форм мышления формируется логика, которая составляет основу теории познания — метода, пришедшего на смену метафизике. Анализ логического мышления и восприятия — вот что выступает в качестве главной задачи теории познания. Дильтей же стремится преодолеть и эту форму философии: познание, как чистый логический процесс, не выражает всей жизненной, исторической (человеческой) действительности. Анализируя логические структуры познания, мы можем подобрать обоснования опытной науки и доказательства невозможности метафизики. Поэтому недостатки существующей гносеологии, считает Дильтей, выступают основанием для удовлетворения потребности в новом философском ее обосновании, которое находит воплощение в дильтеевском самоосмыслении (*Selbstbesinnung*).

Самоосмысление Дильтея относится к условиям возможности построения теоретического знания. Также, условия познания в самоосмыслении задаются субъективными актами сознания, постижимыми в самонаблюдении, а не предзаданными законами объективной действительности.

Необходимо отличать трансцендентальные условия познания от фактических предпосылок познания и от логического следования рассуждений. Анализ познания с точки зрения фактических предпосылок имеет отношение

к свойствам субъективного восприятия чувственных данных, такой анализ объясняет одни предметные отношения через другие, что приводит к дурной бесконечности объяснения. Логического анализа эмпирических данных также недостаточно, ведь необходимо прояснить способ конституирования предмета одновременно с обоснованием познания.

Таким образом, функция трансцендентального познания заключается в переработке соответствующего материала, а результатом такой переработки является полученное значимое знание. Условия познания Дильтей понимает не как внешний фактор, а как условия его осуществления. Дильтей говорит об условиях познания, которые действуют, даже если они не стали предметом рефлексии.

Дильтей ставит задачу — совместить в акте «познавательного жизнеосуществления» практический и теоретический разум. Дильтей видит в разделении жизненно-практической морали и теоретического знания причину кризиса европейской культуры.

Философия Дильтея способствует кристаллизации идей гуманитарного знания, преодолению натурализма в интерпретации гуманитарных наук. По его мнению, для гуманитарного познания особенно важны такие методы, как понимание, интерпретация, интуиция, сопереживание и т.д.

В эпоху Нового времени приоритет теоретической рациональности обосновал видение познания в качестве определенного набора технических приемов, нацеленных на овладение природой. Теоретический рациональный подход выступал в качестве своеобразной призмы для оценивания морального знания. Декартовский дуализм научное рассмотрение возможностей познания человеческой души вынес за пределы науки, что сказало положительно на развитии европейской науки, но так как культура, да и вся культурная жизнь, сосредоточилась на методах рационального познания природы, то в качестве теоретизирующего субъекта науки выступает сам человек. Подразделение разума на теоретический и практический

стало основанием к истолкованию морали по принципу теоретического разума — индивидуальный поступок должен был рассматриваться через призму всеобщего морального закона.

Пытаясь преодолеть описанное выше противоречие, Дильтей в рассмотрение трансцендентальной философии вводит категорию действия. А человеческое осуществление жизни включает в себя анализ не только условий познания, но и условий действия. Всю совокупность научных, нормативных и оценочных суждений Дильтей объединяет в понятии самоосмысления, а из этого объединения по необходимости выводятся основания гуманитарного познания.

Дильтей уходит от гносеологических принципов позитивизма, сущность которых была ограничена сведением фактической констатации норм и правил действия к нормативным и оценочным суждениям. Он разделяет, проводит границу между познавательным и деятельностным отношением к миру и задает такие критерии рациональности, которые соответствуют данным позициям.

Разрабатывая принципы методологии гуманитарных наук, Дильтей ставит задачу совместить логику познания с категорией жизни, то есть действия человека, как исторического субъекта. В первую очередь, это взаимосвязь переживания и понимания. Эта взаимосвязь в дальнейшем воспримется методологией герменевтики как «вживание» в текст, как исследование деятельности автора, в том числе и понимание автора как деятеля, а также деятельности актора. Именно в этой взаимосвязи возможна рациональная интерпретация понимания. Отсюда следует и отличительная черта методологии наук о духе, в отличие от естественных наук. Задачу гуманитарного познания Дильтей видит в том, чтобы ввести рациональное начало в область человеческой жизнедеятельности.

Таким образом, задачи теории познания заключались не только в рационализации исторического и социального познания на основании метода естественных наук. Познание начинается с того, что в бесконечном потоке

ощущений что-либо выделяется в качестве интереса. Затем понятие оформляется в языке. Имея в своем распоряжении бесконечно разнообразные языковые значения, человек связывает выделенное «нечто» с подходящим по смыслу словом, обозначает, таким образом, выделенный предмет. Затем, используя другие ситуации, человек «останавливает» поток опыта, расчленяя его на некоторые целостности, которые становятся «центрами кристаллизации» для последующего материала познания. Разуму свойственно стрем-

ление справляться с бесконечным потоком впечатлений. В результате формируются понятия и определяются все предметы опыта.

Принципиально различен метод естественных и социально-гуманитарных наук. Особенно важным для естественных наук является нечто общее, которое рассматривается без соотнесения с ценностным аспектом. Для социально-гуманитарных наук, напротив, ценности ставятся во главу угла исследования и выступают основанием для изучения индивидуального.

Примечания:

1. Нугаев Р.М. Проблема роста социогуманитарного знания // Вопросы философии. 2007. №8. С. 58-69.
2. Why Studies of Human Capacities Modeled on Ideal Science Can Never Achieve Their Goal? // Rationality, Relativism and The Human Sciences. Dordrecht, 1986. P. 3.
3. Федотова Ф.Г. Рациональность как предпосылка и содержание модернизации общества // Исторические типы рациональности. Т. 1. М., 1995. С. 204.
4. Плотников Н.С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея // Дильтей. Введение в науки о духе. М., 2000. С. 160.
5. Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995. С. 110.
6. Конт О. Курс позитивной философии. СПб., 1899. С. 11.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 595.
8. Евстигнеев В. Попытка реабилитации скомпрометированной исследовательской программы // Общественные науки и современность. 1994. №3. С. 133.
9. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 60.
10. Hoffmeister J. Worterbuch der Philosophischen Begriffe. Hamburg, 1955. P. 52.
11. Кант И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 121.

References:

1. Nugaev R.M. Sociohumanitarian knowledge growth problem // Voprosy Filosofii, 2007, No. P. 58-69.
2. Why Studies of Human Capacities Modeled on Ideal Science Can Never Achieve Their Goal? // Rationality, Relativism and The Human Sciences. Dordrecht, 1986. P. 3.
3. Fedotova F.G. Rationality as prerequisite and content of society modernization // Historical types of rationality. V.1. M., 1995. P. 204.
4. Plotnikov N.S. Life and history. Philosophical programme of Wilhelm Dilthey // Dilthey. Introduction in the science on spirit, M., 2000. P. 204.
5. Kant I. Criticism of practical reason. SPb.: Science, 1995. P. 110.
6. Conte Au. Positive philosophy course. SPb, 1899. P. 11.
7. Marx K., Engels F. From early works. M. 1956. P. 595.
8. Evstigneev V. An attempt of rehabilitation of compromised research programme // Social sciences and modern times. 1994. No. 3. P. 133.
9. Rickert H. Sciences on nature and sciences on culture. M., 1998. P. 60.
10. Hoffmeister J. Dictionary of philosophical notions. Hamburg, 1955. P. 52.
11. Kant I. Collection of works: in 6 volumes. V. 3. M., 1964. P. 121.